

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

ТУЧИНА О.Р.

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, г. Краснодар, Российская Федерация, ул. Московская, 2;
электронная почта: tuchena@yandex.ru*

В статье проанализированы различные подходы к исследованию феномена этнической идентичности в современной зарубежной и отечественной психологии. На основании проведенного анализа автор делает вывод, что социологические и социально-психологические исследования этнической идентичности ставят своей задачей в основном выявление этнодифференцирующих признаков, позволяющих выстроить дихотомию «свой – чужой» на уровне индивидуального сознания. Вместе с тем, этническая идентичность является не просто приписыванием себя к определенной этнической группе на основе ряда признаков, а решением проблемы определенности человека в мире. В рамках субъектно-бытийного подхода автор предлагает рассматривать этническую идентичность как нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве этнокультуры, что регулирует не только внешние формы поведения, но и его представление о мире и своем месте в этом мире. При этом зрелая этническая идентичность не является статичным феноменом, факт принадлежности к этнической группе может быть переосмыслен индивидом в связи с изменившимися социальными и социально-психологическими условиями бытия. Механизмы защиты идентичности включаются в ситуации угрозы, актуализируют ее значимость, выводят ее на первый план и способствуют тому, что данная категория становится объектом пристального внимания, а, при соответствующих условиях, и объектом рефлексии. Таким образом, угроза идентичности может стать механизмом запуска процесса самопонимания этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность; этническое самосознание; субъектно-бытийный подход.

В социальной психологии анализ этнической идентичности связан с исследованием механизмов ее формирования, при этом этничность выступает как часть структурных взаимосвязей между группами. Этническая идентичность – динамическое явление, которое подразумевает взаимодействие на уровне индивида, социума и культуры [5].

В зарубежной науке сформировалось несколько направлений исследования этнической идентичности. Сторонники инструменталистского подхода рассматривают этническую идентичность как средство для достижения групповых интересов, и изучают, каким образом она удовлетворяет интересы индивидов и групп, но не рассматривают проблему объективной основы

существования этнической идентичности (работы Ю.В. Арутюняна, В.С. Агеева, Г.М. Андреевой, А.Г. Асмолова, А.О. Бароноева, П.В. Валинкина, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, В.В. Гриценко, А.Д. Коростелева, Н.М. Лебедевой, Н.Р. Маликовой, Л.И. Науменко, Л.В. Остапенко, В.Н. Павленко, В.Д. Попкова, Л.Г. Почебут, Т.А. Титовой, Л.В. Сагитовой, З.В. Сикевич, И.А. Снежковой, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатовой, И.А. Субботиной, А.В. Сухарева, В.П. Трусова, Ж.Т. Уталиевой, В.Ю. Хотинец, Л.А. Шайгеровой, В.Д. Шапиро, Е.И. Шлягиной).

Конструктивистский подход рассматривает этническую идентичность как самоприписывание индивида к определенной этнической группе (работы Дж. Комароффа, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум). Конструктивистская парадигма, представленная работами Дж. Де Воса и Ф. Барта, предполагает, что этнические границы, участвующие в формировании этнической идентичности, являются по своей сути психологическими, а не территориальными и устанавливаются системой предписаний, идущих как изнутри группы, так и извне ее.

А.Д. Коростелев, рассматривая разные подходы к определению этнической идентичности и этнического самосознания, указывает на возможные принципиальные различия в понимании этих терминов. В частности, анализируя ряд работ отечественных исследователей, он выделяет своего рода структуру подходов к определению сущности этнической идентичности, «структуру срезов этнической идентичности»: внутреннюю; декларируемую; приписываемую другими; официально фиксируемую идентичность [7].

В.Ю. Хотинец определяет этническую идентичность как один из двух уровней развития этнического самосознания: первый (представление о своем этносе) ассоциируется с низким уровнем самосознания, второй (этническая самоидентификация) связан с высоким уровнем развития этнического самосознания [13]. Этническая идентификация подразумевает процесс отождествления с этнической общностью. Этот феномен рассматривается как механизм формирования этнического самосознания.

Г.У. Солдатова отмечает, что этническая идентичность может рассматриваться и как более узкое понятие, поскольку является когнитивно-мотивационным ядром этнического самосознания, и как более широкое понятие, содержащее в себе и слой бессознательного [10]. В силу этих различий этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как ее «изнанка» – этническое бессознательное. В этом подходе прослеживается социально-психологическая тенденция анализа соотношения идентичности и самосознания личности.

В структуре этнической идентичности обычно выделяют два основных компонента: когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства). К наиболее значимым компонентам когнитивной подструктуры этнической идентичности относятся этническая осведомленность и этническое самоназвание [11].

Этническая осведомленность включает знания об этнических группах (своей и иных), их истории, обычаях, особенностях культуры, представления о чертах, роднящих представителей одной группы (этноинтегрирующие) и отличающих их от окружающих (этнодифференцирующие признаки). Исторически становление самосознания всякой общности шло путем осознания ее отличий от внешнего «Они». Именно противопоставление одной общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым скреплению общности. «В археологии и этнографии нет культуры в единственном числе – есть лишь соотношение культур. Есть лишь двойственный процесс: культурного обособления (создание всевозможных отличий «нас» от «них») и культурной ассимиляции путем заимствований, приобщения. З.В. Сикевич считает этничность идентификационной категорией, на индивидуально-личностном уровне выступающая в качестве особой формы – «Я-концепции» [9]. По мнению З.В.

Сикевич, в число индикаторов консолидации по признаку этнического «мы» следует включить происхождение (кровное родство), язык, традиции и обычаи, общее историческое прошлое, особенности поведения или черты характера, внешность, религию и образ жизни. К индикаторам дифференциации по признаку этнического «они» З.В. Сикевич включает язык, традиции и обычаи, особенности поведения, внешность и религию. Этнодифференцирующих признаков обычно меньше, так как для опознания «чужих» достаточно нескольких внешних признаков различия, в то время как выделение «своих» среди всех прочих требует большего числа этих признаков. З. В. Сикевич, пытаясь объединить оба подхода, отмечает, что этническое в каждом человеке действительно первично, однако востребованность, степень выраженности этнических особенностей конструируется как внешними факторами – социальными обстоятельствами, так и внутренними – индивидуальными установками.

Таким образом, социологические и социально-психологические исследования этнической идентичности ставят своей задачей в основном выявление этнодифференцирующих признаков, позволяющих выстроить дихотомию «свой – чужой» на уровне индивидуального сознания. Вместе с тем исследователи признают, что даже совокупность таких признаков не дает ответа на вопрос, почему люди (особенно в неоднозначных условиях этнического бытия) относят себя именно к данной этнической группе. Так недавние социологические исследования показали, что армяне – жители Кубани важнейшим идентификационным признаком считают «ощущение себя армянином» (78 % опрошенных) [3]. С нашей точки зрения, именно данный признак должен стать объектом анализа в психологических исследованиях этнической идентичности, поскольку на уровне индивидуального сознания отражает особенностей этнического сознания.

Большинство исследователей рассматривают этническое самосознание как историческую форму саморефлексии этнической общности, «осознание нацией объективно существующих национальных потребностей, интересов и целей и

построенную на этой базе систему представлений о типичных чертах своей общности, ее достижениях, месте среди других этносоциальных общностей и роли в истории человечества» [15]. Этническое самосознание личности как объект психологического анализа представляет собой глобальную ценностную ориентацию, формирующуюся в рамках этнического самосознания общности. Этническое самосознание защищает личность от неопределенности, являя собой устойчивую конструкцию, связанную с усвоением культурного опыта. В результате этнического самоопределения происходит поиск и определение личностью своего места и роли в мире, что упорядочивает не только внешнюю реальность, но и субъективную реальность личности. Анализ исследований показал, что этническое самосознание является одновременно и целостным, интегративным, и неоднородным, многомерным психологическим феноменом, который может рассматриваться в качестве структурного компонента личности, оказывающего влияние на ее представление о себе, иерархию ценностей, стиль поведения и образ жизни [4].

Таким образом, этническая идентичность, – это не просто приписывание себя к определенной этнической группе на основе ряда этнодифференцирующих признаков, подкрепляемое внешними факторами, а нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве этнокультуры, что регулирует не только внешние формы поведения, но и его представление о мире и своем месте в этом мире. Так, Л.И. Низамова, исследовавшая диаспору волжских татар в Нью-Йорке, пришла к выводу, что их этничность «сохранилась не потому, что была институализирована, а потому, что была выражением глубинной и относительно устойчивой идентичности – сердцевинной Я человека и важной составляющей его семейной и личной жизни» [8]. Обретение этнокультурной идентичности, т. е. нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве этнокультуры, таким образом, решает проблему определенности человека в мире.

В субъектно-бытийном подходе реализуется взгляд на личность как субъекта процесса бытия, который необходимо поддерживать определенным

образом ориентированной субъектной активностью [12]. Рассматривая личность как интегрирующую инстанцию и одновременно процесс, который реализуется ею как субъектом своей бытийности, личностную идентичность понимают как процесс, направляющий интеграцию и в этом качестве выполняющий системообразующую (соединение прошлого, настоящего, будущего личности; гармонизация исполняемых ролей и др.), регуляторную, смыслообразующую функции, реализуемые в субъектной активности (понимание, переживания, поведение).

Субъектная активность, направленная на поддержку этого процесса, постоянна, т. е. речь идет не только о том, что делает и как себя самоощущает человек с определенным статусом идентичности, но и то, что он делает для поддержки идентичности. В работах Г.Г. Танасова обосновано наличие трех видов поведенческой активности: 1) поведение, обусловленное стремлением субъекта обрести идентичность; 2) поведение, характеризующее субъектов с обретенной идентичностью; 3) поведение, направленное на поддержку идентичности [12]. Субъектная активность, направленная на поддержку идентичности, предполагает: расширение субъектом спектра таких обстоятельств своей жизни, в которых его сопровождает чувство самоидентичности; расширение круга лиц, поддерживающих это чувство самоидентичности; страх и избегание либо агрессия в контактах с теми, кто подвергает сомнению право личности на это чувство, в связи с тем, что их структура ценностей вступает в противоречие и делает сомнительной структуру ценностей, которая лежит в основе Образа-Я субъекта самоидентификации.

Человек ориентирован на поиск таких людей или групп, которые понимают его и подтверждают, то есть тех, чьи бытийные пространства структурированы в большем соответствии с тем, как структурированы бытийные пространства субъекта, в чье бытийное поле субъект может войти с меньшим сопротивлением. Как показывают результаты ряда исследований, в близких, дружеских отношениях, в отношениях любви и принятия формируется сложившееся, гармоничное со-бытие, что ведет к усилению чувства

идентичности у субъектов со-бытия (А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов и др.). Потеря субъектом идентичности, ее диффузия, сопровождаемая чувством неопределенности, «равносильна деструктурированию системы: рассыпаются, расслаиваются, выпадают из целостности до этого связанные идеи, чувства, поступки» [12]. Соответственно человек постоянно совершает поступки (или удерживает себя от проявления активности), направленные на поддержку идентичности.

В сегодняшней социальной ситуации идентичность как объект научной рефлексии связан не столько с проблемой самоидентичности, а «оборачивается проблемой соотносительности человека с собой в различных социокультурных контекстах. И в подобном ракурсе данная категория выводит на фундаментальную проблему поиска человеческого в человеке как единства в многообразии, устойчивости в относительности и текучести, реального основания в искусственности и иллюзорности, свободы и ответственности в игровой вседозволенности» [2].

Групповую и личностную идентичности мы рассматриваем как два полюса самоидентификации, поскольку качества, определяющие индивидуальность человека, невозможно категоризовать и осмыслить вне социокультурного контекста. Единство личности в многообразии ее идентификаций достигается через интериоризацию присущих данным идентификациям ценностей, формирование и объективацию личностного смысла, который выступает в качестве психологического механизма реализации личности, т. е. определяет достижение личностью аутентичного бытия. Этническая идентичность представляет собой нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве этнокультуры, что решает проблему определенности человека в мире.

Как и в случае личностной идентичности, этнокультурная идентичность также может рассматриваться как «процесс, направляющий интеграцию личности». Системообразующая функция этнокультурной идентичности состоит в субъективном представлении о связи личности с этнической группой, ее прошлым, настоящим и будущим, нахождении своего места в пространстве

социума и культуры. Регуляторная функция состоит в формировании норм и правил поведения субъекта в соответствии с «границами нормальности» данной этнической группы. Смыслообразующая функция выражается в формировании личностного смысла этнокультурной принадлежности, в проникновении в нормативно-ценностное ядро этнокультурной традиции. Все эти функции реализуются в субъектной активности личности (понимание, переживания, поведение).

В этнической идентичности личности по аналогии с типами культуры, описанными С.А. Шандыбиным [14], можно выделить два модуса, условно назвав традиционный и посттрадиционный. Первый связан с присутствием человека в мире, его укорененностью в культуре. Вторым модусом представляет собой субъективные Я-образы человека, появляющиеся в результате искусственного конструирования и самоконструирования [2].

В контексте традиционного модуса идентичность определяется объективным положением дел, основанных на достижении определенных жизненных целей, горизонт подобных целей определяется представлением о человеческом идеале. Реальное бытование идеала традиции выражено в совокупности норм и образцов, формирующих и структурирующих деятельность человека. Посттрадиционный модус идентичности также определяется идеальными конструкциями, однако подобные конструкции имеют искусственный характер, создаются на субъективном уровне и определяют структурирование представлений о себе в контексте различных социокультурных коннотаций и здесь происходит создание различных смысловых построений Я-образа из отдельных элементов жизненной практики, фрагментированной с помощью деконструкции. Соответственно, «каждый из модусов идентичности представляет собой арену динамического взаимодействия идеального и реального полюсов деятельности» [2]. Однако векторы в таком взаимодействии противоположны: идентификация в контексте традиции выявляет идеальный горизонт в нормах и образцах реальной жизненной практики; симулякризация Я-образа, напротив, формирует нормы практической

деятельности. В первом случае идентичность связывается с сущностью человека, во втором – с ее игровой имитацией. Как отмечает И.А. Аполлонов, подобные модусы сосуществуют в рамках личностной идентичности на протяжении всей истории, игровая деконструкция традиционных смыслов и ценностей является необходимым атрибутом любой живой традиции. Особенностью современной эпохи автор считает нарушение естественного баланса данных модусов, гипертрофированное усиление роли имиджа по отношению к значимости.

Данные модусы идентичности нельзя отождествлять с индивидуальным и социальным измерениями идентичности, в каждом из них существуют оба этих вектора. При этом индивидуальное измерение идентичности связано с интериоризацией социокультурных форм, придания им личностной значимости, что неотделимо от процедур самопонимания, в контексте которых создается структура личностных смыслов. Однако подобная интериоризация в рамках традиционного и посттрадиционного модусов имеет различную природу. В первом случае значимость личностных качеств связывается с достижением превосходства в достижении жизненных целей; во втором случае – с осмыслением коннотаций знакового уровня социокультурных ролей и соответственного поведения в обществе.

Соответственно актуализируется проблема поиска меры соотношения традиционного и посттрадиционного модусов идентичности в постиндустриальном обществе, поскольку в каждой из означенных антитез выстраивается особая архитектура их взаимопереплетения.

На сегодняшний день общепризнанно, что этническая идентичность в полном объеме формируется к подростковому возрасту. Этническая идентичность детей характеризуется как диффузная и отличается незрелостью всех компонентов: поведенческого (несформированность традиционных форм поведения), когнитивного (отсутствие необходимых знаний о своей и чужих этнических группах), аффективного (высокий уровень этноцентризма) [11]. С

возрастом формирование всех компонентов приводит к возникновению зрелой, или «реализованной», этнической идентичности.

В результате многих этнопсихологических исследований сложилось представление, что у большинства индивидов формируется моноэтническая идентичность, совпадающая с приписываемой этничностью. Благоприятные социально-психологические условия способствуют формированию позитивной этнической идентичности, что выражается в положительной оценке собственной этнической группы и членства в ней, сопровождается положительными эмоциями, а также сопровождается положительным отношением к другим этническим группам и проявлению толерантности.

Рассматривая феномен позитивной этнической идентичности в русле субъектно-бытийного подхода, можно утверждать, что это ситуация подтверждаемой социальным окружением этнической идентичности. Он характеризуется освоением нормативно-ценностной системы этнокультурной общности и внутренним согласием с ней, добровольным поведением субъекта в соответствии с «границами нормальности» данной этнической группы, желанием удовлетворять потребность в самореализации в рамках этнокультурной группы и сопровождается чувством аутентичности бытия, выражающемся в субъективном ощущении «себя настоящего» именно в контексте данной этнической группы. Как отмечает А.Н. Кимберг, «когда личность чувствует безопасность в своей культурной идентичности, она может быть великодушной, щедрой и толерантной к другим культурам и принимать идеологию мультикультурализма. Если целостность собственного культурного наследия оказывается под угрозой, люди оказываются менее расположенными к толерантности к другим культурам» [6].

Однако зрелая этническая идентичность не является статичным феноменом, факт принадлежности к этнической группе может быть переосмыслен индивидом в связи с изменившимися социальными и социально-психологическими условиями бытия (расширение информационного поля, позволяющее сравнить особенности наличного бытия в разных этнических

общностях, изменение отношения общества к определенным фактам истории, изменение приоритетных общественных ценностей, изменение собственных перспектив в наличной ситуации).

Механизмы защиты идентичности включаются в ситуации угрозы. Угрозы идентичности могут быть объективными и субъективными. К объективным относят «определенным образом ориентированные действия другого человека, намеренно направленного на то, чтобы разрушить или поколебать чувство личностной идентичности партнера по общению» [12]. К объективным угрозам этнокультурной идентичности могут быть отнесены, например, высказывания или действия представителей как своей, так и чужих этнических групп, снижающих или нивелирующих статус этнической группы, отвержение этнокультурных норм и ценностей, «шоковое» расширение границ нормальности, изменение декларируемого и (или) общественного отношения к событиям прошлого.

Субъективные угрозы предполагают интерпретацию субъектом ситуации как угрожающей этнокультурной идентичности, например, сравнение уровня жизни или состояния гражданских свобод в разных общностях; сравнение традиций и особенностей взаимоотношений в семье представителей разных этнических групп.

Объективные и субъективные угрозы этнической идентичности актуализируют ее значимость, выводят ее на первый план и способствуют тому, что данная категория становится объектом пристального внимания, а при соответствующих условиях и объектом рефлексии. Таким образом, угроза идентичности может стать механизмом запуска процесса самопонимания этнокультурной идентичности.

Однако неправомерно было бы рассматривать процесс самопонимания только как реакцию субъекта на внешние угрозы идентичности. Примером активизации самопонимания этнокультурной идентичности, не связанной с внешними угрозами идентичности, может служить распространенный в последнее время в среде иммигрантов феномен, который американские

социологи называют «национализмом третьего поколения», когда активный интерес к своим этническим корням проявляют «американцы от рождения», внуки иммигрантов, которые предпочли своей стране благополучную Америку, дети тех, кто хотел забыть о своём происхождении, чтобы стать «обыкновенным средним американцем» [1]. Именно пространство этнокультуры становится для них тем бытийным пространством, в котором они стремятся найти себя настоящего, достигнуть аутентичности бытия, а этническая группа – тем поддерживающим ресурсом, который помогает им реализовать свою бытийность.

Таким образом, этнокультурная идентичность, будучи одним из фундаментальных ответов на вопрос «Кто Я?», решает проблему определенности человека в мире. Именно поэтому она неотделима от процесса самопонимания, актуализация которого ведет к проблематичности устоявшихся норм традиции, к поиску скрытых за ними ценностей.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 14-26-20001 а(м) «Самопонимание этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре (на примере исследования русской и армянской молодежи Армении и России)»

ЛИТЕРАТУРА

1. **Акопян В. З.** Георгий Матвеевич Дергульян и его размышления о национальной идентичности // Общероссийская и национальная идентичность: материалы междунар. науч.- практ. конф., Пятигорск, 2012. С. 8–25.
2. **Аполлонов И.А.** Традиционный и посттрадиционный модусы личностной идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 2 (59). 2010. С. 11-17.
3. Армяне Юга России: опыт социологического исследования: коллективная монография // отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону; М., 2011.
4. **Бучек А.А.** Полиэтническая среда и ее влияние на этническое самосознание личности // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 5(19). URL: <http://psystudy.ru>

5. **Иванова Н.Л.** Психологическая структура социальной идентичности: автореф. дис. ... докт. дис. д-ра психол. наук. Ярославль, 2003.

6. **Кимберг А.Н.** Субъективные препятствия мультикультурализму // Моделирование социокультурных условий развития личности в мультикультурном пространстве. М., 2005.

7. **Коростелев А.Д.** Свои и чужие: когда «не работает» этническая идентичность // VII Конгресс этнологов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 47–48.

8. **Низамова Л. Р.** Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 150, кн. 4. 2008. С. 222–233.

9. **Сикевич З.В.** Социология и психология национальных отношений: учебн. пособие. СПб, 1999.

10. **Солдатова Г.У.** Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

11. **Стефаненко Т.Г.** Этнопсихология. М., 2003.

12. **Танасов Г.Г.** Субъектно-бытийный подход к пониманию активности личности в переговорах. Краснодар, 2011.

13. **Хотинец В.Ю.** Этническое самосознание. СПб., 2000.

14. **Шандыбин С.А.** Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // Этнографическое Обозрение. 1998, № 1. С. 14–27.

15. **Шулындин П.П.** Национальная психология: сущность, структура, социальная роль: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Горький, 1986.

REFERENCES

1. **Акопjan V. Z.** Obshherossijskaja i nacional'naja identichnost' (All-Russian and national identity). Pjatigorsk, 2012. P. 8–25.

2. **Аполлонов И.А.** Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. (Messenger of the Adygei state university). V. 2 (59). 2010. P. 11-17.

3. Armjane Juga Rossii: opyt sociologicheskogo issledovanij. (Armenians of the South of Russia: experience of sociological research) Rostov-na-Donu; M., 2011.

4. **Buchek A.A.** Psihologicheskie issledovanija (Psychological researches). 2011. № 5(19). URL: <http://psystudy.ru>
5. **Ivanova N.L.** Psihologicheskaja struktura social'noj identichnosti (Psychological structure of social identity). Jaroslavl', 2003.
6. **Kimberg A.N.** Modelirovanie sociokul'turnyh uslovij razvitija lichnosti v mul'tikul'turnom prostranstve (Modeling of sociocultural conditions of development of the personality in multicultural space). M., 2005.
7. **Korostelev A.D.** Svoi i chuzhie: kogda «ne rabotaet» jetnicheskaja identichnost' (Personal and others': when "ethnic identity doesn't work"). Saransk, 2007. P. 47–48.
8. **Nizamova L. R.** Uchjonye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific notes of the Kazan state university). V. 150, № 4. 2008. P. 222–233.
9. **Sikevich Z.V.** Sociologija i psihologija naci-onal'nyh otnoshenij (Sociology and psychology of the national relations). SPb, 1999.
10. **Soldatova G.U.** Psihologija mezhetnicheskoi naprjazhennosti (Psychology of interethnic intensity). M., 1998.
11. **Stefanenko T.G.** Jetnopsihologija (Ethnopsychology). M., 2003.
12. **Tanasov G.G.** Subektno-bytijnyj podhod k ponimaniju aktivnosti lichnosti v peregovorah (Subject and existential approach to understanding of activity of the personality in negotiations). Krasnodar, 2011.
13. **Hotinec V.Ju.** Jetnicheskoe samosoznanie (Ethnic consciousness). SPb, 2000.
14. **Shandybin S.A.** Jetnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review). 1998, № 1. P. 14–27.
15. **Shulyndin P.P.** Nacional'naja psihologija (National psychology). Gor'kij, 1986.

*PROBLEM OF ETHNOCULTURAL IDENTITY
IN MODERN PSYCHOLOGY*

TUCHINA O.R.

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072
e-mail: tuchena@yandex.ru*

In article various approaches to research of a phenomenon of ethnic identity in modern foreign and domestic psychology are analysed. On the basis of the carried-out analysis the author draws a conclusion that sociological and social and psychological researches of ethnic identity put the task generally identification of the ethnodifferentiating signs, allowing to build a dichotomy "the – the stranger" at the level of individual consciousness. At the same time, ethnic identity is not simply attributing of to a certain ethnic group on the basis of a number of signs, and a solution of the problem of definiteness of the person in the world. Within subject and existential approach the author suggests to consider ethnic identity as finding of in standard and valuable space of ethno-culture that regulates not only external forms of behavior, but also its idea of the world and the place in this world. Thus mature ethnic identity isn't a static phenomenon, the fact of belonging to an ethnic group can be rethought by the individual in connection with the changed social and social and psychological conditions of life. Mechanisms of protection of identity turn on in threat situations, stateside its importance, bring her to the forefront and promote that this category becomes object of close attention, and, under the corresponding conditions, and object of a reflection. Thus, threat of identity can become the mechanism of start of process of self-understanding of ethno-cultural identity.

Key words: ethnocultural identity; ethnic consciousness; subject and existential approach.